

Каспар Зеллис

Рига, Латвия

«СТРАШНЫЙ ГОД» — МИФ И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ

В повседневной риторике понятием «миф» обозначаются явные заблуждения и предрассудки по отношению к какому-либо явлению, а также под ним понимается продукт мышления примитивного общества, опирающегося на нереальные или иллюзорные представления. Однако сегодня в академической литературе под мифом чаще понимается система знаков и символов, главная задача которой — создать у человека представления о значимых для него вопросах бытия, формируя иррациональную систему ориентации для рациональной действительности. Путем вульгаризации миф упрощает действительность, упорядочивая факты, события или явления в систему, которая опирается на жесткие бинарные оппозиции, что сегодня нередко называют «черно-белым» видением мира. Точно так же миф определяет и идентичность индивида и группы, обеспечивает передачу социальных и культурных норм, создавая сознание преемственности и непрерывности¹.

Суть мифа хорошо выразил немецкий философ Эрнст Кассирер (*Cassirer*; 1874—1945): «Человек не может жить в мире строгих фактов... Он живет, скорее, среди воображаемых эмоций, в надеждах и страхах, среди иллюзий и их утрат, среди собственных фантазий и грез»². Таким образом, человек живет не только в физическом, но и в символическом универсуме, который характеризуется такими проявлениями, как язык, миф, религия и искусство. Э. Кассирер обоснованно замечает, что человека следует воспринимать не как *animal rationale*, а как *animal symbolicum*³.

В свое время русский философ Н. Бердяев писал, что история не является совокупностью объективных эмпирических фактов; история — это миф, другими словами, миф — это упрощенное и иррациональное понимание истории, господствующее в умах людей. Миф — это не выдумка, а реальность, живущая в историческом сознании народа. Миф делает мифом не высказывание правд или неправд, а выполняемые им задачи. Любое неверное предположение или предвзвешенное суждение нельзя назвать мифом, если он не выполняет уже упоминавшихся функций мифа.

Если архаический миф в основном реализовался через ритуалы, то современные мифы проявляются и через коммуникацию, которая передает отдельные питающие миф элементы. Лишь в процессе коммуникации индивида можно при-

---

Статья с таким названием («*Baigais gads*» — *mīts un tā evolūcija*) была написана и опубликована в 2006 г. С тех пор прошел значительный период времени, который принес ее автору новые как фактологические, так и теоретические знания. Эта статья, хотя в основе ее и лежит текст 2006 г., тем не менее должна считаться переработанной и дополненной версией. Перевод с латышского Юлии Рудокайте.

влечь к мифу. Процесс коммуникации позволяет эволюционировать и социальной мифологии, давая возможности как демонтировать, так и конструировать мифы. Если первобытные мифы опирались на природу или космос, то современные социальные мифы опираются на историю. Миф по своей структуре и задачам образует также ядро так называемых формаций социальной памяти⁴.

Существует ли в латвийском обществе миф о «страшном годе»? Думается, что да, так как ему присущи многие вышеперечисленные черты мифа.

Миф о «страшном годе» условно можно назвать апокалипсическим, если принять, что он сакрален. Определенную сакральность, впрочем, ему пытались придать, обозначая большевиков и евреев в качестве слуг сатаны, а пострадавших латышей в качестве мучеников⁵ и называя «страшный год» «латышской Голгофой».

Однако не только использование в нем религиозных символов делает миф сакральным. В основе любого подобного мифа лежит история о сотворении, которое учреждает порядок в противовес несущему зло хаосу. Время правления коммунистов идентифицировалось как состояние хаоса, которое латыши должны были испытать за свои грехи, или, в тогдашней риторике, «ошибки прежних государственных мужей». Эталон «страшного года» — это своего рода всемирный потоп, за которым приходит восстановление общества.

Тем не менее его, несмотря на сакральные элементы, все же скорее следовало бы считать мифом о национальной идентичности, главной задачей которого является не нарративное повествование об истории, а который пробуждает у членов определенной национальной группы мощное осознание общего дела⁶. В конкретном случае он дал разъяснение, что же произошло с народом, предложив простой бинарный взгляд на проблему. Латвийскую государственность разрушили большевики, которые обратили против латышского народа жестокий террор. Виновные — коммунисты и евреи; пострадавшие — латыши. То, что представитель какой-либо другой нации мог быть сослан или уничтожен, не вписывалось в подобную схему восприятия. В других местах, например в России, от большевизма страдали русские, а в Латвии они ждали, когда будут организованы колхозы, чтобы не пришлось работать⁷. Те, кто сотрудничал с советской оккупационной властью, были предателями народа, отбросами общества, «сорной травой» и т. д., которые выявились благодаря «страшному году».

Дальнейшей задачей мифа было создать представление о латышах как борцах с силами тьмы — против повторения «страшного года». Почему сегодня глорифицируется Латышский легион⁸? Потому что он был в авангарде этой борьбы. После Второй мировой войны преемниками в этой борьбе стали «лесные братья»⁹, которые и сегодня оцениваются неоднозначно. Эстафетная палочка впоследствии переходит к диссидентам, небольшим группам сопротивления и, конечно, к латышам в изгнании, главной целью которых было освобождение Латвии от большевизма. Борьба увенчалась национальным пробуждением (*Atmoda*)¹⁰, которое было последним шансом латышей «пробудиться» до того, как их уничтожили бы¹¹.

Этимология мифа

«Страшный (*baigs*) — то, что вызывает чувства страха, мрачности, подавленности; а также призрак», — говорится в словаре латышского литературного языка¹². Аналогично это слово объясняли и видные латышские языковеды Я. Эндзелин и К. Мюлленбах, приводя в качестве синонимов к этому слову «жут-

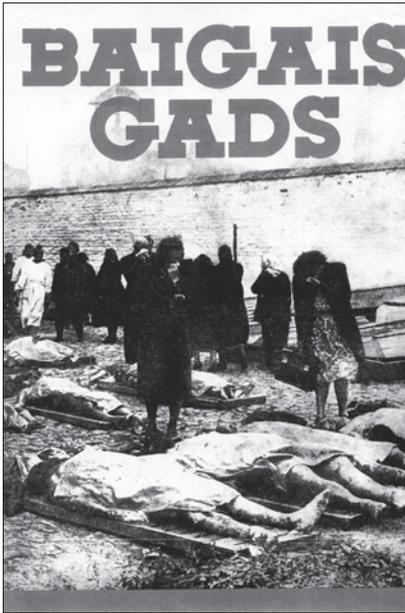
кий», «кошмарный» (*drausmīgs*), «ужасный» (*šausmīgs*) и т. д. Почему же первый год советской оккупации мы называем «страшным» (*baigais*), а не «кошмарным», «ужасным» или каким-то еще подобным годом?

Эпитет «страшный год» впервые употребляется в статье «Как чекисты грабили и жгли центральную Ригу», опубликованной в газете “*Tēvija*” («Отечество») за 4 июля 1941 г. и начинающейся словами: «Страшным был весь год красного террора в нашей прекрасной Риге...»¹³. Однако использование этого эпитета, который в то время часто употреблялся публицистами и литераторами, не было ничем экстраординарным и встречалось в разных других вариациях. Так, в первом номере газеты “*Nacionālā Zemgale*” («Национальная Земгале»), издававшейся при немецкой оккупации, говорится о «страшных часах, когда бушевали силы ада, жаждущие крови»¹⁴, в “*Kurzemes Vārds*” («Слово Курземе») — о «страшных днях, которые завершились «освобождением», совершенным немецкой армией»¹⁵.

Тем не менее автором понятия «страшный год» следует считать Эдвартса Вирзу (1883—1940), строки стихотворения которого «Страшное лето», опубликованного в журнале “*Sējējs*” («Сеятель»), о том, что ветер будет гнать над полями красный туман и плоды с деревьев опадут до срока, станет бременем то, что есть и то, чего нет, — многим после года советской оккупации казались пророческими¹⁶, а по утверждению валмиерской газеты “*Talavietis*” («Галавец»), едва ли не каждый латышский патриот носил эти стихи, отпечатанные на машинке, в своем кармане¹⁷.

Конечно, когда появилась возможность, газеты опубликовали эти строки, чтобы актуализировать их для общества. Начала газета “*Tēvija*” в номере за 9 августа 1941 г., за ней последовали и другие периодические издания¹⁸. Публикации стихотворения сразу не вызвали идентификацию года советской оккупации как «страшного года», намного чаще употреблялись такие его обозначения, как «год бедствий и разрухи», «ужасное время правления коммунистов», «красный год», «мрачный год», «год мучений» и др. Однако постепенно авторы статей, говоря об этапе советской оккупации, стали употреблять это обозначение все чаще — так, например, всего несколько дней спустя “*Tēvija*” пишет о «страшном дне в лагере в Литене», о «страшных вестях из Эстонии», «страшных ночах в Рижском центре»¹⁹ и т. д. Первым, кто начал употреблять данное обозначение относительно всего периода советской оккупации, был пастор из Мазсалацкого прихода Альфред Скроделис в своей статье «Приобретение страшного года», в которой он говорил о неприемлемом для латышской большевистского материализма, противопоставленном «культуре духа», которую несли немцы и которую благодаря «страшному году» латыши наконец-то осознали²⁰.

В целом, однако, это обозначение к году советской оккупации не «прилипло», а употреблялось лишь время от времени, пока в 1942 г. не вышел «сборник иллюстраций и документов о большевистском времени в Латвии с 17.VI.1940 по 1.VII.1941» под названием «Страшный год» (“*Baigais gads*”)²¹, дополненный «документальным» фильмом «Красный туман», вышедшим в ноябре 1942 г. Уже с 1943 г. употребление обозначения «страшный год» стало всеобщим²², с примечанием, что «это данное народом обозначение года правления большевиков»²³. Эта мистификация — об обозначении, данным народом, — впоследствии появилась и в эмиграции. Так, в энциклопедии А. Швабе “*Latvju enciklopēdija*” («Латышская энциклопедия») упоминается, что «страшный год» — это «название в латышском народе первого года большевистской оккупации»²⁴, а позднее

«Страшный год» (Рига, 1942). Обложка

такая трактовка была перенята и изданными после восстановления независимости Латвии учебниками²⁵.

Так что позволим себе сделать вывод: название мифа возникло из стихотворения, опубликованного еще до «страшного года», затем использовалось как пропагандистский эпитет, который позднее фольклоризировался.

Эволюция и структура мифа

С какой целью был создан этот миф?

Прежде всего, с приходом немецкой армии было необходимо путем систематического распространения информации и дезинформации укоренить в широких массах с помощью символов и манипуляций нужную нацистам модель поведения²⁶, что упрощенно называется также пропагандой.

Какой была модель социального поведения латыша летом 1941 г.? В

целом латышскому обществу в 1941 г. были «доверены» две задачи — очистить землю, пользуясь терминологией бригаденфюрера СС В. Шталеккера, от «паразитов»²⁷ и затем браться за работу, т. е. «новое строительство»²⁸.

«Страшный год» для выполнения этих задач служил фоном восприятия пропаганды. Пропагандисты указывали, кто же те люди, кого нужно подвергнуть чистке, — коммунисты, евреи, оставшиеся в тылу вермахта красноармейцы и местные прихлебатели, которые «искали протекции у азиатов и благ за счет крови своих братьев»²⁹. В любом случае, это были люди, на которых пропаганда взвалила вину за происходившее в 1940—1941 гг.

Если связь коммунистов, красноармейцев и местных коллаборационистов с недавними событиями в особых комментариях не нуждалась, то совсем иначе было с «жидами», роль которых в «страшном годе» не была ясна обществу, о чем свидетельствует помощь многих латышей евреям во время так называемых «антижидовских распоряжений» летом 1941 г., с которой пришлось бороться как посредством пропаганды, так и полицейских мер³⁰.

В первые месяцы оккупации пропаганда неутомимо пыталась связать евреев со «страшным годом», утверждая, что это они были также вдохновителями высылки латышей, на что их побудило то обстоятельство, будто латыши ждали прихода немецкой армии³¹. Чтобы это совершить, «нужно было начать кровавый террор, уничтожать и высылать людей только за то, что они не отказались от своего латышского национального сознания. Нужно было начать воевать даже с женщинами и детьми, чтобы уничтожить латышский народ»³².

Чтобы показать «ужасающие преступления жидов» в «страшный год», пресса воспользовалась так называемым приемом пропаганды ужасов, т. е. латышей

нужно было шокировать теми преступлениями, которые будто бы совершили евреи. Лучшим способом, как это показать, создав эффект правдоподобия, были признаны репортажи и воспоминания, авторы которых были «очевидцами» преступлений. “*Tēviņa*” уже в первом своем номере разместила призыв обращаться в редакцию всем, «кто был очевидцем ужасных дел коммунистов, грабежа, дезорганизации»³³.

Такого рода призывы появились и в провинциальной прессе, и публикации «воспоминаний» не заставили себя долго ждать. Описывать все нюансы этих сочинений нет необходимости, приведем лишь одно, которое в свое время уже описал А. Эзергайлс. Так, 6 сентября 1941 г. “*Tēviņa*” опубликовала статью «Страшные свидетельства раскопанных могил» об откопанных в Резекне жертвах чекистов, у которых «сняты рукавицы», вырезаны полосы кожи, впоследствии посыпанные перцем и солью, и пр.³⁴ По распоряжению прокурора Даугавпилсского окружного суда полиция Резекне получила поручение представить документацию об этом случае, в результате часть убитых жертв оказалась в живых, у других же, в свою очередь, не было обнаружено никаких следов пыток³⁵.

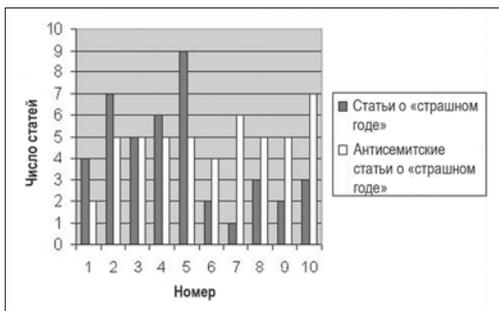
Опровержения статьи, конечно, дано не было, но продолжалась работа по дезинформации, цели которой ясно видны из написанного Виктором Штейнбергсом: «Жи́ды были теми, кто разработал план уничтожения латышского народа и начал его выполнять — они как народ должны умереть! Напрасно жалеть — не забудем, что звезда Давида может быть повешена на шею и тому, кто стоит в рядах обслуживающих жи́ду. <...>

Помните, что каждый член партии и кандидат или сочувствующий несет долю вины во всех тех страданиях, что прошли по земле латышей. Помните, что каждый чекист и милиционер — убийца, который прямо или косвенно казнил латышский народ. Помните, что каждый комсорг и комсомолец — это жук-точильщик в здоровом теле латышской молодежи. Помните о том, что довольно у латышей было беспозвоночных подлипал и предателей, и смотрите, чтобы вас самих к ним не причислили. Ибо это время — время огня и очищения»³⁶.

Вполне обоснованные мысли высказал Лео Дрибинс — что «нацисты уничтожили бы латвийских евреев и в том случае, если бы этого извержения антиеврейского гнева не было. Однако это помогло нацистам распространить ошибочное представление, будто бы латыши сами требуют ликвидации латвийских евреев. Была непосредственная поддержка прессой коварного замысла нацистов — свалить ответственность за Холокост на местных националистов. Антисемитские редакторы и писатели таким образом предавали национальные интересы, помогая германскому нацизму компрометировать латышскую нацию»³⁷.

Так, в 1942 г. в Екабпилеском уезде ходили слухи, что «местные латыши, которые участвовали в расстрелах жидов, будут сами осуждены и расстреляны, наподобие жидов. Это якобы была только немецкая политика — привлечь латышей к расстрелам, чтобы впоследствии уничтожить их самих. <...> Сами немцы якобы говорят, что в Германии ни один жид не расстрелян. Все, дескать, живут, как и прежде»³⁸.

Таким образом, исходя из вышесказанного приходится признать, что нацистская связь «жидов» и террора «страшного года» не имела под собой реальной основы. Допускаем мысль, что много евреев включилось в инфраструктуру советского режима³⁹, но вовсе не затем, чтобы уничтожить латышей, а чтобы выжить самим. Народу, в менталитете которого выработался страх погромов и

Доля антисемитских публикаций о «страшном годе» в газете “Tēviņa” в первые недели ее издания

публикациях такого характера начинают доминировать лишь со второй недели июля 1941 г. (см. диаграмму), когда уже были получены идеологические инструкции. Например, в газете “*Nacionālā Zemgale*”, редактором которой был начальник елгавского штаба службы безопасности М. Вагуланс, антисемитизм в изображениях года советской оккупации появляется сразу.

Осенью 1941 г. Генеральная дирекция внутреннего управления и персональных дел выпустила официальное сообщение о том, что все латвийские города и волости, «воспользовавшись долгими зимними вечерами», должны написать историю большевистского года, собрать документацию и т. д., чтобы был «источник материалов для историко-научных исследований»⁴¹. Насколько можно судить по опыту газеты “*Talsu Vārds*” («Талсинское слово»), подобные послания получала и пресса — только из отдела периодики и литературы департамента по делам искусства и культуры. Так, в статье за 18 октября говорится: «С ведома *Propagandastaffel Lettland* отдел периодики и литературы призывает редакцию собирать и присылать в распоряжение редакции уже имеющиеся и могущие появиться материалы о поступках и деятельности жидов в отдельных случаях и в общей взаимосвязи событий при власти коммунистов... Особое внимание следует обратить на получение фотоснимков о жидах-чекистах, жидах — наиболее заметных милицейских командирах, гвардейцах⁴², директорах и пр., действия и поведение которых можно считать значимым примером бесправных и бесчеловечных деяний коммунистического времени. Внимание следует обратить на соучастие жидов при арестах, высылках, пытках в поселках, при поджогах и разорениях во время отступления Красной армии и т. д. Следует описать также особенно характерные случаи, как жида выдавили с мест латышской и так захватили латышские учреждения... При каждом отдельном сообщении и дополняющих его доказательствах указывать имя и адрес составителя и работника, предоставившего доказательства, так как за использованные материалы сотрудники получают соразмерное вознаграждение. Материалы будут использованы для отдельного более крупного издания. Работа срочная и должна быть выполнена в течение дальнейших двух недель.

Если доказательства для какого-либо более важного случая могут быть добыты за более долгое время, об этом сообщить в отдел»⁴³.

Такое «научное исследование» появилось в июле 1942 г. в виде печально известного издания «Страшный год» (“*Baigais gads*”), которое, как утверждает

гонений, нужно было учиться уживаться с новой властью⁴⁰. О том, что общество не желало связывать евреев с советским режимом, свидетельствует уже упоминавшаяся пропагандистская кампания против «жалельщиков жидов», а также, волеи-неволей, сама изданная нацистами пресса. Так, если собрать статьи из “*Tēviņa*” о времени советской оккупации и поискать в них антисемитские элементы, оказывается, что они в

А. Жвинклис, является «антисемитской поделкой, специально созданной нацистской пропагандой для разжигания взаимной розни»⁴⁴; в свою очередь К. Кангерис считает его «собранием немецкой пропаганды за первые месяцы», создавшей «памятник антибольшевистской борьбе»⁴⁵.

Думается, что летом 1942 г. уже не было надобности ничего «разжигать», как и «собрание» не было причиной появления этого издания. Представляется, что «Страшный год» должен рассматриваться не только как продукт антисемитской пропаганды, но и как опора идентичности «освобожденного» вермахтом латыша, на которого немцы навесили ярлык антисемитизма, от которого мы не можем освободиться и по сей день.

В 1941 г. латышам требовались новые миф об идентичности и понимание истории, в чем нацистская пропаганда им удачно подыграла в виде пропагандистской парадигмы. Ее суть может быть высказана следующим образом: ошибки политиков Латвийской Республики довели страну до советской оккупации, главными носителями которой были «жиды», которые и реализовали в Латвии репрессивную политику, основываясь на разработанном международным «жидовством» плане захвата власти над миром. От этой опасности латышей спасла армия Великой Германии, под покровительством которой латышский народ, освободившись от пережитков прошлого и выполняя возложенные на него новой властью обязанности, также войдет в Новую Европу.

Говоря пропагандистским языком, «страшный год» был той пограничной чертой, на которой латыши поняли свои ошибки, а сейчас они усердно трудятся и являются на мобилизационные пункты, едут на работы в Германию, чтобы не допустить повторения «страшного года». Те, кто этого не делает, — враги латышского народа, надеющиеся дожидаться большевиков. Выход книги «Страшный год» лишь актуализировал близость большевистской угрозы, которую кто-то мог подзабыть. Эта актуализация ведется на протяжении всего времени немецкой оккупации, и сборник — одна из составляющих данного процесса, славу которому снискали не проведенные немцами пропагандистские мероприятия, а инициаторы его «переиздания»⁴⁶.

Каковы же были мероприятия по актуализации, проводившиеся при немецкой оккупации?

Например, в 1942 г. латышское самоуправление решило объявить 14 июня днем траура, который отмечался минутами памяти в школах и на рабочих местах, церковными богослужениями и центральным собранием и концертом в Рижской опере⁴⁷. Историческим памятным днем был назначен день «освобождения» Риги — 1 июля⁴⁸, когда пропаганда с новой силой воспевала хвалебные песни вермахту и «Вождю» германского народа за избавление от «жидобольшевизма»⁴⁹. Именно 1 июля было пограничной чертой между «страшным годом» и новыми временами — это хорошо видно и в подзаголовке сборника «Страшный год», который давал понять, что господство большевиков длилось ровно до этого момента.

С декабря 1941 г. желающие могли осмотреть «чекистские камеры пыток», куда водили на экскурсии школьников под руководством учителя истории Юлия Брачса, который, в свою очередь, получил полномочия от заместителя генерального директора внутренних дел латышского самоуправления д-ра В. Сандерса. Всего подвалы ЧК якобы осмотрели около 100 000 (?) человек⁵⁰.

Кроме того, проводились также выставки, посвященные тематике «страшного года»; в качестве наиболее значимой можно упомянуть «Год власти красных в

Латвии», которая демонстрировалась в Рижском художественном музее в июле 1942 г., а впоследствии стала передвижной выставкой.

В свою очередь пресса с неослабевающей интенсивностью не позволяла читателю отдалиться от ужасов «страшного года». Когда в 1943 г. началась пропагандистская кампания в связи с убитыми в Катгыни польскими офицерами, латышскоязычная печать об этом писала, что латышей этим не удивишь, рассматривая параллельно также и события «страшного года»⁵¹. В любом случае «страшный год» присутствовал на протяжении всего периода нацистской оккупации, пугая общество своим возвращением. Так, в августе 1943 г. немцы, используя прием так называемой «пропаганды шепотом», пустили слух, что в Латвию якобы запустят большевиков, чтобы проучить латышский народ⁵². Конечно, это пугало и потому было эффективно. Ничто не воздействует на человека лучше, чем страх, особенно если представляется и модель, как его избежать, — в данном случае поддержать проводимую немцами политику.

С приходом советских войск в Латвию вернулись и описания ужасных дел армии и советской оккупационной политики. Как и в 1941 г., эти описания также имеют выраженный антисемитский оттенок. Например, сообщалось, что в Ригу уже через два дня после ее взятия прибыл «батальон чекистских жидовских комиссаров», который большей частью состоял «из тех самых жидов, что уже в 1940—1941 гг. руководили убийством латышей в ЧК»⁵³. Сообщалось о непрерывных ужасах в тюрьмах, об изнасилованиях, грабежах, депортациях населения и др. «Расстрелы в рижских тюрьмах не утихают ни днем, ни ночью, за один час слышались 800 выстрелов, узников пытаются до безумия. Крики и стоны людей слышны днем и ночью». По сельским усадьбам ездит черный чекистский автобус, и люди предпочитают совершать самоубийства, чтобы только их не арестовали⁵⁴. “*Tēvija*” 4 ноября сообщала, что «более 35 000 жителей Видземе в единогласном восторге записались на работу в Сибири. Сейчас они единогласно высказали готовность проделать путь до Сибири пешком»⁵⁵.

Для усиления воздействия этой пропаганды сообщалось о зверствах советской армии и на других территориях, где, дескать, происходит то же самое. Цель этого была одна — нужно было дать понять, что в оккупированной Советами части Латвии «страшный год» возвратился, поэтому латышские воины должны сражаться еще отважнее, а гражданское население должно помогать им в этой борьбе.

Из вышесказанного вытекает, что главной задачей мифа было консолидировать латышей, чтобы они не сопротивлялись политике немецкой оккупационной власти, а сотрудничали с ней. Это достигалось мощной пропагандой ужасов, главными параметрами которой были антисемитизм и антибольшевизм, но ни в коем случае не антирусскость⁵⁶. Кроме того, возлагая вину за случившееся на плечи евреев и большевиков, латыши психологически освобождались от собственной ответственности за происшедшее. Да и совершенные при немецкой оккупации преступления и активный коллаборационизм впоследствии нередко пытались оправдывать «страшным годом»⁵⁷.

Численное измерение мифа

Неточно сравнивать число жертв коммунистического и нацистского оккупационного режимов, чтобы доказать, какой же из них был более кровавым и преступным. Однако специфика работы требует небольшого экскурса и в этот вопрос.

Сколько же людей пострадало в первый год советского режима? Депортировано было 15 424 человека, из них погибло 6081 (39,43 %), в пути умерло 43 человека⁵⁸. Число убитых оценивается примерно в 1355, а общее число репрессированных в «страшный год» — около 20—21 тыс. человек⁵⁹.

Для сравнения: число жителей, репрессированных при немецкой оккупации, лишь за вторую половину 1941 г. достигло около 20 000⁶⁰ «большевистских правителей и их холуев», не считая при этом уничтожение евреев — граждан Латвии, число которых в одной только Румбуле⁶¹ достигло 24—25 тыс.⁶²

По числу жертв один «страшный год» невозможно сопоставить с полугодием «освобождения». Каким образом преступления, совершенные одним режимом, позволили совершить еще более тяжкие преступления, особенно не задержавшись в историческом сознании народа, — это вопрос, который, думается, нужно решать психологу, а не историку⁶³.

Эволюция мифа после Второй мировой войны

Латышская эмиграция поддерживала жизнь мифа о «страшном годе», однако он испытал определенные трансформации.

Во-первых, миф утратил свой антисемитизм, место которого заняла антирусскость⁶⁴. Один из составителей книги «Страшный год» Я. Кронлинс в эмиграции издал книгу о школах в год советской оккупации со знаковым названием «379 дней страшного года»⁶⁵, в которой обозначение «коммунистический режим» нередко заменяется на «власть русских захватчиков».

Во-вторых, содержательные границы мифа расширились: теперь он рассказывал не только о событиях 1940—1941 гг., но и о времени советской оккупации в целом⁶⁶. И здесь повествование о «страшном годе» стало составляющей идентичности латышской эмиграции — поскольку эмиграция образовалась при бегстве людей от него, и своей главной целью она считала «борьбу за свободу латышского народа и будущее Латвии»⁶⁷. В выходящих в эмиграции трудах аспект «страшного года» был развернут как борьба против коммунистического тоталитаризма в целом, что в условиях холодной войны казалось быстро достижимой целью.

Вместе с «пробуждением» латышей из эмиграции возвратился и миф о «страшном годе». Конечно, его пытались трансформировать, руководствуясь принципами политкорректности, отмечая, что в депортациях и репрессиях пострадали также евреи и русские⁶⁸. Однако этот аргумент, который впоследствии был доказан также исследованиями историков⁶⁹, остался непонятным для широких кругов общества⁷⁰. Да и сегодня один из камней преткновения интеграции — идентификация советского режима с русскими, и одна из наиболее существенных причин, почему сегодня реально в Латвии существует двухобщинное общество, — это то, что не создан ни один консолидирующий миф.

Думается, что важнейший аспект любого мифа — его биполярность. Нет проблем заменить в мифе евреев русскими⁷¹ или кем-то другим — для многих это может пройти незамеченным. Но поставить вместо этого какой-то коммунистический режим, который к тому же уже не существует, — это для простого человека неприемлемо. В суть мифа должен быть заложен образ врага, а с ним нужно бороться, иначе человек не поймет, кто хороший/наш, а кто плохой. Исползованные политиками на выборах в самоуправления лозунги «Русские идут!» и «Латыш, не сдавайся!» — яркий продукт такого мышления. Перед

вступлением в ЕС одним из главных доводов людей за вступление тоже был страх перед Россией⁷² или перед повторением «страшного года», который — нельзя отрицать — исполнялся с косвенным или даже прямым указанием на нежелательность «евроскептиков».

Другая трансформация, которая оказалась более успешной, чем первая, — изменение хронологических границ мифа, с отнесением его также к репрессиям против латышей в СССР в конце 30-х гг.⁷³ В результате всего этого возникла мистификация об осуществлявшемся советским режимом геноциде латышей⁷⁴. Можно сказать, что миф о «страшном годе» в результате превратился в миф о геноциде, которому были посвящены и научные конференции⁷⁵.

Миф живой и развивается, его невозможно демонтировать, не создав вместо него другого мифа. Какой будет дальнейшая эволюция этого мифа, покажет время, но историю, как нам представляется, важно участвовать в его трансформации, чтобы сделать миф по возможности менее конфронтационным⁷⁶, ибо нет ни одного народа, который существовал бы без своих мифов. Людям, которые живут в структуре другого мифа, наши мифы могут показаться не только непонятными, но и абсурдными. Те, кто не понимает языка наших мифов, ритуалов и символов, — «чужие». Миф всегда позволял детерминировать, кто «свой» и кто «чужой». Наш миф о «страшном годе» чаще всего вступает в конфронтацию с мифом о «русском солдате как освободителе от фашизма» или с мифом о Холокосте. Эти конфронтации можно изменить и реструктуризировать миф, включив его в единое пространство европейской памяти⁷⁷. Удастся ли это — покажет время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Nothnagle A.* From Buchenwald to Bismarck: Historical myth-building in the German Democratic Republic // *Central European History*. 1993. N 26. P. 93; *Münkler H.* Die Deutschen und ihre Mythen. Hamburg, 2010. S. 9—28.

² *Кассирер Э.* Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии / Сост. и послесл. П. С. Гуревича; Общ. ред. Ю. Н. Попова. М., 1988. С. 29.

³ Там же. С. 28—30.

⁴ *Assmann A.* Re-framing memory: Between individual and collective forms of constructing the past // *Performing the past: Memory, history, and identity in modern Europe* / Ed. K. Tilmans, F. van Vree, J. Winter. Amsterdam, 2010. P. 40—44; *Esch J.* Legitimizing the “War on Terror”: Political myth in official-level rhetoric // *Political Psychology*. 2010. Vol. 31. N 3 (June). P. 361—365.

⁵ *Freimanis A.* Sātana vara // *Laikmets*. 1943. 11. jūn.

⁶ *Armstrong J.* National character and national stereotypes // *Society*. 1996. Vol. 33. Iss. 2 (Jan/Feb). P. 48.

⁷ *Kolektīvizācijas drauds kritīs* // *Daugavpils Latviešu Avīze*. 1941. 24. jūl.

⁸ Латышский легион (нем. *Lettische SS-Freiwilligen-Legion* — Латышский добровольческий легион СС) — войсковое формирование, созданное германским командованием в годы Второй мировой войны на территории Латвии. Входило в состав *Waffen SS* (войск СС) и состояло из двух дивизий СС: 15-й и 19-й. Приказ о создании легиона был подписан Гитлером 10 февраля 1943 г. на фоне поражения германских войск в Сталинградской битве. Основу легиона составили полицейские и иные вооруженные формирования, созданные гитлеровцами ранее. Формально служба в легионе была добровольной, однако снижение числа добровольцев в результате падения престижа нацистского режима вынудило последний прибегнуть к призыву. В ходе четырех мобилизаций в 1943—1944 гг. в легион было мобилизовано около 30 тыс. человек (всего за годы войны нацистским режимом было поставлено под ружье примерно 146 тыс. жителей Латвии). — *Ред.*

- ⁹ «Лесные братья» (называемые некоторыми авторами также «национальными партизанами») — террористические и диверсионные группы, созданные и вооруженные в конце войны германскими спецслужбами для деятельности в тылу Красной армии. Состав этих групп был весьма пестрым. 50—70 % их состава летом 1945 г. были бывшие военнослужащие Латышского легиона СС. В конце 40-х гг. к ним присоединилось значительное число крестьян, недовольных аграрной политикой советской власти (коллективизацией), а также других лиц, не находивших себе места в советской действительности. «Лесные братья» пользовались поддержкой некоторой части населения, особенно сельского. В результате их действий сторонники советской власти в Латвии потеряли более полутора тысяч человек. Для борьбы с такими группами уже в 1944 г. начали создаваться истребительные батальоны, применялось внедрение в группы агентов советских органов госбезопасности. С «лесными братьями» было покончено только к середине 50-х гг. — *Ред.*
- ¹⁰ В ядро мифа о национализме вложена идея о том, что нации надсторичны и националам только приходится пробуждать народы от некоего глубокого сна, чтобы они заняли свое место в мире наций (см.: *Smits E. D. Nacionālā identitāte. R., 1997. 29. lpp.*).
- ¹¹ «Этот час пробил. Сегодня или никогда! Если упустим эту возможность, человечество нам не простит, и прощать уже будет некогда» (*Kosteņecka M., Rukšāns J. Visiem Latvijas iedzīvotājiem // Atmoda: Informācijas lapa. 1988. 7. okt.*).
- ¹² *Latviešu literārās valodas vārdnīca. R., 1973. 2. sēj. 231. lpp.*
- ¹³ *Kā čekisti izlaupīja un dedzināja Iekšrīgu // Tēvija. 1941. 4. jūl.*
- ¹⁴ *Atbrīvotā Jelgava sumina savus varonīgos atbrīvotājus // Nacionālā Zemgale. 1941. 30. jūn.*
- ¹⁵ *Žīdu un viņu algotņu asinsdarbi Liepājā // Kurzemes Vārds. 1941. 2. jūl.*
- ¹⁶ Например, в газете “*Talsu Vārds*” («Талсинское слово»), писавший, комментируя стихотворение Э. Вирзы, в подтверждение своего рассуждения якобы привел «учение жиды Сигизмунда Фрейда о психоанализе, хотя книга, полная жидовской сексуальности и вредных тенденций, изъята из обращения», — так писали 11 декабря 1941 г. рецензенты отдела периодики и литературы департамента по делам искусства и культуры (Латвийский государственный исторический архив (далее ЛГИА), ф. Р-427, оп. 1, д. 1, л. 6). По правде говоря, в редакции газеты мало понимали в том, о чем писали, так как упоминаемый ими «психоаналитический метод Фрейда» не пользовался симпатиями власти и при авторитаризме (см.: *Virza E. Baiga vasara // Talsu Vārds. 1941. 4. sept.*).
- ¹⁷ *Virza E. Baigā vasara // Talavietis. 1941. 12. aug.*
- ¹⁸ Кроме уже упоминавшихся, *Tēvija. 1941. 9. aug.*
- ¹⁹ *Tēvija. 1941. 12., 21. aug.*
- ²⁰ *Skrodelis A. Baigā gada ieguvums // Tēvija. 1941. 15. aug.*
- ²¹ *Baigais gads: Attēlu un dokumentu krājums par boļševiku laiku Latvijā no 17.VI. līdz 1.VII 1941 / R. Kovaļevska, O. Noriša un M. Goppera red. R., 1942.*
- ²² В мае 1943 г. в Риге выходит книгу Альфреда Цейхнера “*Es lebe die LSSR. Berichte aus einem Jahr sowjetischer Schreckensherrschaft in Lettland*” («Да здравствует ЛССР! Отчеты за год советского террора в Латвии»), автор которой использует обозначение «Варфоломеевская ночь латышского народа» (S. 21).
- ²³ Интересно сравнить речи в память о депортации 14 июня в 1942 и 1943 гг. (см.: *Strādāsīm tā, lai aizvesto svētība ir ar mums: Piemiņas akts un koncerts Rīgas Operā // Tēvija. 1942. 15. jūn.; Tautas mūžībai: Iekšlietu ģenerāldirektora O. Dankera runa aizvesto piemiņas aktā; Zobens un arklis vieno visus latviešus: Ģenerālmajora R. Bangerska uzruna latviešu cīnītājiem // Tēvija. 1943. 15. jūn.*
- ²⁴ *Latvju enciklopēdija / Red. A. Švābe. Stokholma, 1950—1951. 1. sēj. 178. lpp.*
- ²⁵ *Keņiņš I. Latvijas vēsture, 20. gadsimts. R., 1998. 2. d. 33. lpp.; Kurlovičs G., Tomašūns A. Latvijas vēsture: Okupācijas gadi. R., 1998. 93. lpp.; и др.*
- ²⁶ *Pratkanis A., Aronson E. Age of propaganda: The everyday use and abuse of persuasion. N. Y., 2001. P. 11.*
- ²⁷ См.: *Zellis K. “Zemes” tīrīšanas propaganda nacistu kontrolētajā latviešu presē 1941. gada jūnijā — septembrī // DU Humanitārās fakultātes 14. starptautisko zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture, 8. Daugavpils, 2004. 192.—198. lpp.*
- ²⁸ В своем роде весьма значимый пропагандистский термин: если в первые июльские дни использовался термин «восстановление», то впоследствии — «новое строительство». «Восстановление» было столь же еретическим термином, как и «свободная Латвия».

- ²⁹ *Leinerts J.* Atbrīvotā zeme // Daugavpils Latviešu Avīze. 1941. 18. jūl.
- ³⁰ Apzinīgu patērētāju rīcību tirdzniecībā // Tēvija. 1941. 7. jūl.; Latvieši nedrīkst kalpot židiem // Tēvija. 1941. 16. jūl.; “Bekona Eksportā” židiem vēl arvien priekšroka // Kurzemes Vārds. 1941. 23. jūl.; Izbeigt pakalpošanu židiem! // Daugavpils Latviešu Avīze. 1941. 18. jūl.; *V. B.* Žīdu glābēji // Nacionālā Zemgale. 1941. 17. jūl.; Neveicināsim žīdu niķus // Tēvija. 1941. 19. jūl.; Žīdu draugus gaida bargi sodi // Tēvija. 1941. 15. okt.; *Maldone V.* Atjēdzaties! // Daugavas Vēstnesis. 1941. 23. okt.; Atklāts smags noziegums pret āriešu godu // Daugavas Vēstnesis. 1941. 31. okt.; и др.
- ³¹ *Albatross [Kroders A.]*. Žīds — masu iznīcinātājs // Tēvija. 1941. 11. jūl.
- ³² *Silarājs A.* Droši pārkāpsim pagātnes sliekšni // Nacionālā Zemgale. 1941. 17. jūl.
- ³³ Tēvija. 1941. 1. jūl.
- ³⁴ Atrakto kapeņu baigās liecības // Tēvija. 1941. 6. sept.
- ³⁵ *Andrievs Ezergailis* par Rīgas arhīviem // Tēvzemes Avīze. 1992. 6. marts.; *Ezergailis A.* Galdā liekamas visas kārtis: Etniskā naida propaganda 1941. gadā // Diena. 1992. 11. aug.; ЛГИА, ф. 1371, оп. 1, д. 60, л. 363—366.
- ³⁶ *V. Št.* Latviešiem ar glēvām un “mikstām” sirdīm // Tālavietis. 1941. 7. aug.
- ³⁷ *Dribins L.* Antisemitiskās ideoloģijas histērija vācu nacistu okupētajā Latvijā 1941.—1942. gadā // Holokausta izpētes problēmas Latvijā: Starptautiskās konferences referāti un pētījumi par holokaustu Latvijā, 2000. gada 16.—17. okt., Rīga, R., 2001. 125. lpp. (Latv. vēsturnieku kom. r. 2. sēj.).
- ³⁸ Политический отчет руководителя опорного пункта латышской политической полиции Екапилса П. Бите за период с 1 по 15 мая 1942 г. (ЛГИА, ф. P-252, оп. 1, д. 43, л. 48).
- ³⁹ См. также: *Levins D.* Ebreju vēsture Latvijā. Jeruzaleme, 1988. 77.—78. lpp.
- ⁴⁰ Аналогично тому, как это было в 1915 г. в Курляндии после прихода немецкого рейхсвера.
- ⁴¹ *Kangeris K.* Propagandas dokuments propagandas pētīšanai // Diena. 1999. 24. febr. В этой связи интересна редакционная статья газеты “*Talsu Vārds*”, адресованная отделу периодики и литературы департамента по делам искусства и культуры (Талси, 23 октября 1941 г.: «В ответ на Вашу статью в № 162 от 18 октября сего года имею честь сообщить, что в газету “*Talsu Vārds*” никакие яркие материалы о поступках и действиях жидов в Талсинском уезде пока не поступили. Материалы о паре взятых под стражу жидов — тоже не таких, деятельность которых была бы столь значительна, чтобы они могли пригодиться для вашего издания, начальник полиции Талсинского уезда отправил в рижскую службу безопасности. Поэтому, хотя и охотно хотели бы услужить вам, за неимением фактов для нас это невозможно») (ЛГИА, ф. P-427, оп. 1, д. 1, л. 69).
- ⁴² Имеется в виду Рабочая гвардия — военнизированная организация сторонников советской власти в Латвии. Создана по решению секретариата ЦК Коммунистической партии Латвии для охраны объектов народного хозяйства и поддержания порядка на публичных мероприятиях. Распущена в мае 1941 г., однако в первые дни войны начала формироваться вновь. 16—18 июля из остатков Рабочей гвардии и из других жителей Латвии были сформированы два добровольческих латышских стрелковых полка Красной армии, которые в дальнейшем участвовали в обороне Таллина, а затем Ленинграда. — *Ped.*
- ⁴³ ЛГИА, ф. P-427, оп. 1, д. 9, л. 2.
- ⁴⁴ *Žvinklis A.* Foto un kino dokumenti par holokaustu Latvijā // Holokausta izpēte Latvijā. R., 2004. 166. lpp. (Latv. vēsturnieku kom. r. 12. sēj.).
- ⁴⁵ *Kangeris K.* Padomju okupācija un 14. jūnija deportācija nacionālsociālistiskās Vācijas propagandā // 1941. gada 14. jūnija deportācija — noziegums pret cilvēci // Latv. vēsturnieku kom. r. R., 2002. 6. sēj. 165. lpp.
- ⁴⁶ Сборник был переиздан в 1998 г., а в 2003 г. вышел параллельно на латышском, английском и русском языках. — *Ped.*
- ⁴⁷ Тēvija. 1942. 1. jūn. Интересно, что в изданном в конце 1941 г. генеральным комиссаром в Риге списке исторических памятных дат его не было (см.: ЛГИА, ф. P-946, оп. 8, д. 30, л. 19—20).
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ А. Фрейманис писал, что с 22 июня 1941 г. латыши как бы участвовали в торжественной церемонии, где выстрелы и взрывы были необходимым дополнением торжеств: «Эта война несла латышам очищение и освобождение» (*Freimanis A.* Karš kā atbrīvotājs // *Laikmets*. 1943. 25. jūn.).
- ⁵⁰ Tais dienās, kad mākoņi aizsedza sauli // Latvijas Vēstnesis. 1999. 12. febr.; *Silamiķelis V.* Ar Baltijas karogu izdotie. R., 1998. 50.—52. lpp.

- ⁵¹ *Freimanis A.* Sātana vara // *Laikmets.* 1943. 11. jūn.
- ⁵² Отчет руководителя опорного пункта латышской политической полиции Екабпилсского уезда П. Бите по состоянию на 19 августа 1943 г. (ЛГИА, ф. Р-252, оп. 1, д. 44, л. 50).
- ⁵³ *Žīdi pārmeklē Rīgas dzīvokļus* // *Tēvija.* 1944. 4. nov.
- ⁵⁴ Эти примеры взяты из номера газеты "*Tēvija*" за 1 ноября 1944 г., в котором нет ничего экстраординарного. Аналогично можно было бы процитировать любую другую газету, выходившую в Курземе.
- ⁵⁵ *Zemgaliešu kolonnas kājām uz Doņecu* // *Tēvija.* 1944. 4. nov.
- ⁵⁶ Если еще во второй половине 1941 г. появляются статьи, в которых русские связываются с событиями «страшного года», то уже в конце года они исчезают, уступая место статьям о том, как страдают русские при большевизме. В свою очередь в указаниях для прессы от отдела пропаганды рижского генерального комиссара в марте 1942 г. были даны четкие инструкции о том, что русских нельзя связывать с большевистским режимом (см.: ЛГИА, ф. Р-74, оп. 1, д. 2, л. 1).
- ⁵⁷ *Kings A.* Kas notiek Baltijā? [Biv.], 1974. 193. lpp.
- ⁵⁸ *Zālīte I., Eglīte S.* 1941. g. 14. jūnijā deportācijas struktūranalīze // *Aizvestie,* 1941. g. 14. jūnijs. R., 2001. 687.—688. lpp. «Многие умирали уже по пути в Сибирь из-за нехватки продовольствия, и особенно воды, и из-за невыносимой жары» (см.: *Latvijas vēsture,* 20. gs. R., 2005. 227. lpp.).
- ⁵⁹ *Šneidere I.* Pirmā padomju okupācija Latvijā: daži aspekti // *Totalitārie okupācijas režīmi Latvijā 1940.—1964. gadā* // *Latv. vēsturnieku kom. r. R.,* 2004. 13. sēj. 21. lpp.
- ⁶⁰ *Strods H.* Pirmā boļševiku okupācijas gada darbinieku un padomju varas atbalstītāju liktenis 1941.—1945. gadā // *Latvija nacistiskās Vācijas okupācijas varā, 1941—1945: Starptaut. konf. ref.,* 2003. g., 12.—13. jūn., Rīga. R., 2004. 72.—79. lpp. (Latv. vēsturnieku kom. r. 11. sēj.). Число все же кажется несколько преувеличенным, требуют обоснования названные 10 000 сторонников советской власти, подвергнутых экзекуциям «самоохранщиками», однако число взятых под стражу могло значительно превысить 10 000, если учесть часто производившиеся в 1941 г. кратковременные аресты. («Самоохрана» (латыш. *pašaisardzības spēki* — силы самоохраны) — добровольные отряды, в которые объединились в самом начале войны вооруженные группы коллаборационистов. Формально были запрещены германскими оккупационными властями 8 июля 1941 г. как самочинные. Фактически представляли собой банды убийц и грабителей, действительная ликвидация которых в городах и волостях обычно совпадала со временем, когда были расстреляны евреи. В дальнейшем наряду с другими пронацистскими формированиями «силы самоохраны» послужили основой для созданных нацистами полицейских структур. — *Peđ.*)
- ⁶¹ Румбула — маленькая железнодорожная станция на линии Рига—Даугавпилс, в 12 км от станции Рига, или примерно в 10 км от ворот Рижского гетто. На пригорке, в 250 м от станции, в лесу, нацистами было выбрано место для убийства узников гетто. В песчаном грунте, что позволяло легко это сделать зимой, советскими военнопленными были вырыты ямы. Число расстрелянных в Румбуле в дни крупных акций уничтожения 30 ноября и 8 декабря 1941 г., согласно отчету начальника полиции безопасности и СД в Латвии Р. Ланге, было 27 800 человек (вместе с 942 евреями, привезенными из Германии и расстрелянными 30 ноября 1941 г.). Кроме того, там были расстреляны использовавшиеся на «земляных работах» около 300 советских военнопленных. Число убитых в Румбуле евреев из Рижского гетто в те дни современными историками оценивается примерно в 25 тыс. Расстрелы отдельных групп людей продолжались там и в последующий период нацистской оккупации. — *Peđ.*
- ⁶² *Ezergailis A.* Holokausta vācu okupētājā Latvijā, 1941—1944. R., 1999. 298.—299. lpp.; *Strods H.* *Op. cit.* 75., 81. lpp.
- ⁶³ К. Ванэгс после войны в Германии писал: «По вымощенной нашими благими намерениями дороге немцы толкали в ад нас самих» (*Vanags K.* *Boļševiku jūgā.* Oldenburga, 1951. 122. lpp.).
- ⁶⁴ Так, в многократно изданных воспоминаниях Л. Зарини хорошо просматривается биполярность: латыши, которые страдают, и русские, которые в основном распоряжаются в оккупированной Латвии (см.: *Zariņa L.* *Sarkanā mīgla: Atmiņas.* 4. iespied. Toronto, 1971).
- ⁶⁵ *Kronlīns J.* 379 baigā gada dienas: Latvijas un tās audzinātāju liktenis Baigajā 1940. un 1941. gadā. [Biv.], 1967. Конечно, если сложить, получается, что «страшный год» завершился 1 июля!

- ⁶⁶ В 1983 г. выходит книга А. Шилде «Во имя мировой революции» (*Šilde Ā. Pasaules revolūcijas vārdā*. [Biv.], 1983), в которой делается попытка написать историю советского террора в Латвии, включив в нее также время режима П. Стучки. Однако эта предложенная концепция не получает дальнейшего развития в последующей историографии — возможно, потому, что руководителями ревтрибуналов и чекистами были сами латыши.
- ⁶⁷ Latvijas Centrālās Padomes deklarācija “Latvieša stāja svešumā”, pieņemta 1947. g. aprīlī Mērbekā, Vācijā / A. Švābes red. // Konferencēs “Trimda. Kultūra. Nacionālā identitāte” rakstu krājums. R., 2004. 154. lpp. См. также: *Šilde A. Grūto dienu klusēšana*. (Tēvzeme. 1946. g. 19. oktobrī) // *Šilde A. Trimdinieka raksti*. R., 1992. 221. lpp.
- ⁶⁸ 25. marts — tautas sēru diena // *Atmoda*. 1989. 20. marts.
- ⁶⁹ *Jēkabsons Ē.* Padoņņu režīma represijas pret Latvijas poļiem, lietuviešiem un baltkrieviem 1940.—1941. gadā // *Totalitārie režīmi un to represijas Latvijā 1940.—1956. gadā*. R., 2001. 51.—70. lpp. (Latv. vēsturnieku kom. r. 3. sēj.); *Levin D.* Mass deportation of Latvian Jews to remote areas of the USSR, June 1941 // 1941. gada 14. jūnija deportācija — noziegums pret cilvēci. R., 2002. 175.—188. lpp. (Latv. vēsturnieku kom. r. 6. sēj.); и др.
- ⁷⁰ Подобно резкому отказу директора иерусалимского Центра Симона Визенталя Э. Зуроффа сравнивать высылки латышей с направленным против евреев Холокостом. В такого рода мифах есть место лишь для своих, а вторжение чужих вызывает в лучшем случае непонимание (см.: «Вечернее интервью» с Эфраимом Зуроффом — полный текст. (Доступно: <http://www.delfi.lv/archive/article.php?id=6642303&categoryID=6636985&date=1067310110>).
- ⁷¹ По правде говоря, в Латвии наблюдалось не критическое отношение также к пропагандистским материалам времен нацистов, что вызвало ажиотаж по поводу книги «История Латвии» под редакцией О. Костанды и изданного Л. Инкинсом факсимиле «Страшного года». В Латвии, возможно, это уже забылось, но на международном уровне — нет. Думается, что и высказывания А. Кириштейнса о 1940 г. и «жидках» в Латвии забудут быстрее, чем в мире (см.: *Onken E.* Wahrnehmung und Erinnerung: Das Zweite Weltkrieg in Lettland nach 1945 // *Mythen der Nationen: 1945 — Arena der Erinnerungen* / Hg. M. Flacke. — Berlin, 2004. Bd 1. S. 680).
- ⁷² Редактор журнала “*Rīgas Laiks*” («Рижское время») У. Тиронс выразил это следующими словами: «...мне кажется, что нужно как можно дальше от России». Во всяком случае, роль российского фактора была решающей в этом голосовании. Решающие аргументы популярных людей при голосовании на референдуме см.: <http://providus.lv/article/popularu-cilveku-izskirosie-argumenti-balsojot-referendumam>
- ⁷³ *Beika A.* Latvieši Padoņņu Savienībā — komunistiskā genocīda upuri (1929—1939) // *Latvijas Okupācijas muzeja gadagrāmata*, 1999: Genocīda politika un prakse. R., 2000. 43.—89. lpp.; *Riekstiņš J.* Genocīda upuri — latvieši Padoņņu Savienībā // *Okupācijas varu nodarītie postījumi Latvijā, 1940—1990* / T. Puisāna red. Stokholma, 2000. 79.—82. lpp.; и др.
- ⁷⁴ Par genocīdu pret latviešiem: trīs viedokļi // *Latvijas Okupācijas muzeja gadagrāmata*, 2004: Cīņa par Baltiju. R., 2005. 323.—329. lpp.; Starp okupāciju un genocīdu: Ar Maincas universitātes profesoru Ervīnu Oberlenderu sarunājas Artis Svece // *Diena*. 2004. 21. maijs; *Felder B. M.* Lettland im Zweiten Weltkrieg: Zwischen sowjetischen und deutschen Besatzern, 1940—1946. Paderborn, 2009. S. 63—75.
- ⁷⁵ В качестве первой можно упомянуть состоявшуюся 13 июня 1991 г. научную конференцию «Практика коммунистического тоталитаризма и геноцида в Латвии».
- ⁷⁶ Думается, что одна из наиболее существенных причин, почему сегодня реально в Латвии существует двухобщинное общество, — это то, что не создан ни один консолидирующий миф.
- ⁷⁷ *Leggewie C.* Der Kampf um die europäische Erinnerung: Ein Schlachtfeld wird besichtigt. München, 2011. S. 14—48.